

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.М. Москалева, Е.В. Тыканова

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ И ЭКСПЕРТНЫХ ГРУПП ПО УЛУЧШЕНИЮ КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ*

В статье рассмотрены возможности и ограничения реализации проектов в области улучшения качества городской среды, предлагаемых гражданскими и экспертными группами Санкт-Петербурга. Авторы анализируют процессы социального конструирования участниками групп внешних социально-политических условий, а также комбинации доступных им ресурсов. Эмпирической основой исследования служит серия полуструктурированных интервью (N=14) с членами трех общественных объединений в Санкт-Петербурге, вовлеченных в создание и продвижение проектов, направленных на трансформацию городских публичных пространств, а также ряд вторичных материалов. Авторы приходят к выводам, что при реализации своих проектов группы сталкиваются с множественными ограничениями, определяемыми структурой политических возможностей. К их числу относятся недостаточное количество союзников-лоббистов; низкая информационная осведомленность групп о программах планирования бюджета города; постоянная ротация чиновников, принимающих решения о судьбе городского пространства; барьеры, определяющиеся существующим законодательством; бюрократические преграды; низкая заинтересованность в проектах представителей бизнеса и др. Между тем немногочисленными благоприятными условиями воплощения проектов выступают персонификация контактов с представителями законодательной и исполнительной власти, а также наличие профессиональных и иных ресурсов групп. В контексте описанных социально-политических условий группы могут рассчитывать на весьма

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 16-03-00508 «Качество городского пространства: векторы развития гражданских инициативных групп в России и Германии»).

Москалева Светлана Михайловна — магистрант факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (smmoskaleva@gmail.com)

Svetlana Moskaleva — MA student, Department of political science and sociology, European University at St. Petersburg (smmoskaleva@gmail.com)

Тыканова Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, Санкт-Петербург (elenatykanova@gmail.com)

Tykanova Elena — Candidate of Science (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute, Russian Academy of Science, Saint Petersburg (elenatykanova@gmail.com)

скудный репертуар возможностей осуществления проектов: это, в частности, отсрочка реализации проектов, причиной которой становится долгий процесс включения проектов в адресные программы и городской бюджет; частичная реализация; трансформация или дробление большого проекта на части.

Ключевые слова: *городские публичные пространства, качество городской среды, гражданские и экспертные группы, городские социальные движения, структура политических возможностей, ресурсы.*

Введение*

В последние годы в российских городах и, в частности, в Санкт-Петербурге, отмечается рост внимания к проблемам качества городской среды. Вопросы, связанные с комфортом городских пространств, становятся предметом обсуждения не только представителей власти, девелоперов и архитекторов, но и активистов, журналистов, разнообразных экспертов и горожан. Все чаще проводятся урбанистические форумы и публичные лекции, организуются исследования городской среды и дискуссии о городе, разрабатываются и реализуются проекты реновации общественных городских пространств.

Существенная практическая проблема заключается в том, что, согласно исследованию ФОМ за сентябрь 2015 г., петербуржцы серьезно обеспокоены вопросом благоустройства города (ФОМ 2015), в то время как возможности совместного обсуждения городскими властями и горожанами вопросов трансформации городского пространства ограничены. Градостроительные и планировочные решения (за исключением публичных слушаний о поправках в Генплан и обсуждений Правил землепользования и застройки) принимаются и реализуются властями «сверху» и зачастую не учитывают мнения и потребности горожан, а также наработки современной урбанистики. Таким образом, существенным стимулом деятельности участников гражданских и экспертных инициативных групп в области улучшения качества городской среды является тот факт, что потребности горожан в городском пространстве, отвечающем критериям удобства, зачастую исключены из зоны интересов представителей власти.

Для представления интересов горожан в диалоге с городскими властями и участия в решении городских проблем посредством взаимодействия с чиновниками и представителями бизнеса возникают новые инициативные группы. К их числу относятся общественные объединения, вовлеченные в проекты по улучшению качества городской среды. Их участники зачастую обладают профессиональными знаниями и навыками, не доступными городским властям и представителям бизнеса. Подобные организации и движения появились в России сравнительно недавно (примерно в 2012 г., когда, по мнению Б. Гладарева, в Россию «вернулась активная гражданская жизнь» (Гладарев 2012: 29)) и сосредоточились преимущественно в крупных городах. Несмотря на свой

* Авторы выражают благодарность доценту факультета социологии СПбГУ Анисье Михайловне Хохловой за обсуждение замысла статьи.

легитимный, а порой и легальный статус, такие общественные объединения сталкиваются с проблемами, связанными с отсутствием возможностей для диалога с чиновниками и представителями бизнеса и выработки совместных решений. Это выступает препятствием в осуществлении разработанных группами проектов. Таким образом, изучаемые нами группы по развитию городской среды являются, в терминах Н. Фрэзер, «слабыми публиками» (Fraser 1990), поскольку не обладают доступом к ресурсам принятия решений в отношении трансформаций в городском пространстве, претендуя лишь на совещательные функции.

Гносеологическая значимость представленного в статье исследования заключается в том, что в последние десятилетия в фокусе российских научных исследований находились *градозащитные* движения и организации (Закирова 2008; Клеман, Мирясова, Демидов 2010; Гладарев 2012; Белокурова 2012; Городские движения... 2013; Тыканова, Хохлова 2014). Данные движения относятся в большей мере к протестным локальным гражданским инициативам, которые часто отстаивают *сохранение* в первоизданном виде городских публичных пространств, зданий, парков и скверов, имеющих историческую, культурную, архитектурную, мемориальную или иную ценность. Для авторов же интерес представляют новые группы, которые предлагают и порой реализуют проекты по *реновации, то есть изменению*, городских пространств. Впрочем, следует оговориться, что оба типа групп можно представить в виде некоего континуума, полюсами которого являются «защитные» и «созидательные» движения. Большинство групп располагается где-то посередине этого континуума, что не позволяет аналитически отнести их только к одному из выделенных типов.

В данной статье на материалах качественного эмпирического исследования будут рассмотрены социальные условия, способствующие и препятствующие продвижению и реализации проектов, которые разрабатывают инициативные группы, вовлеченные в деятельность по улучшению качества городского пространства Санкт-Петербурга.

Траектории взаимодействия городских публик и властей по поводу улучшения качества городского пространства

Существует несколько основных направлений исследований, анализирующих возможности различных городских публик (в число которых не входят городские власти) участвовать в деятельности по улучшению качества городского пространства. Так, некоторые социальные ученые рассматривают структуру и внутренние ресурсы общественных инициативных объединений, охватывающих представителей соседских сообществ и нацеленных на эффективный менеджмент территорий (Siriani, Friedland 2001; Evans 2002). Другие авторы скорее видят в таких объединениях социальные движения, стремящиеся оказать влияние на градостроительную политику (McCarthy, Zald 1977; Oliver 1983; Cable 1984, Andrews, Edwards 2004). Третье направление исследований аналитически объединяет представленные выше исследовательские перспективы (Fisher et al. 2012). Четвертая же группа авторов обнаруживают в подобных общественных объединениях комбинацию социальных движений и представите-

лей бизнеса, заинтересованных во влиянии на экономику города. Так, М. Майер предполагает, что в современных городах происходит смена кейнсианской модели управления, в которой государство берет на себя социальное и экономическое регулирование общества, на модель Шумпетера, в которой социально ответственные предприниматели предстают в роли новых субъектов городских изменений (Mayer 2003).

Д. Фишер и ее соавторы (Fisher et al. 2012) описывают инициативные группы по реновации городского пространства в качестве «организаций по ответственному планированию» (англ. — *environmental stewardship*). Этим термином они обозначают гражданские группы, которые управляют городскими территориями, занимаются мониторингом их развития, порой конкурируют за то или иное городское пространство, а также организуют образовательные лекции о широком круге городских проблем. Например, по мнению А. Желниной, сегодня силами таких групп в городах формируется так называемая «контрпублика», участвующая в политической деятельности и активно продвигающая свою повестку через посвященные урбанистике лекции, мастер-классы и курсы. Новая публика способна противостоять официальной политике города, мобилизуя различные ресурсы: привлекая специалистов и экспертов в тех или иных областях, провозглашая общую идеологию и пропагандируя разделяемые всеми участниками ценности (Желнина 2015).

Большинство современных исследований, согласно комментарию Д. Фишер и ее коллег, сфокусированы на изучении инициативных групп из перспективы социологии общественных движений. Так, при анализе деятельности экологических движений и гражданских групп такие исследования, как правило, обращаются к рассмотрению традиционного репертуара их практик, таких как лоббирование собственных интересов, написание писем — просьб властям, протесты, бойкоты, инициация медиакампаний и использование различных интернет-тактик (Gould et al. 1996; Coban 2003, цит. по: Fisher et al. 2012). Тем не менее, социальные ученые все чаще обращают внимание и на новый репертуар практик инициативных групп, нацеленных на улучшение качества городской среды. Этот репертуар включает гражданское образование, а также действия, направленные на поддержание соседских сообществ через их участие в местном (само)управлении (Fisher et al. 2012).

При изучении функционирования инициативных групп, предлагающих проекты по трансформации городского пространства, необходимо учитывать как внешние, так и внутренние социальные условия их деятельности. Так, исследование инициативных групп в Северной Каролине (Andrews, Edwards 2005: 224) демонстрирует влияние вида организационной структуры локальной организации на репертуар ее деятельности. В частности, локальные организации могут принимать вид волонтерских групп, не получающих вознаграждения за работу; профессиональных групп, члены которых получают гонорары, а также смешанных групп, структура которых представлена как оплачиваемым персоналом, так и волонтерами, участвующими в администрировании и проведении акций. Авторы заключают, что, в противовес профессиональным, волонтерские группы обладают более дифференцированными взглядами на методы улучшения качества городской среды, больше включены в процессы

выстраивания коалиций с другими организациями и чаще обращаются к «партизанским» практикам (Andrews, Edwards 2005).

Как показывает исследование Э. Уолкера и Дж. МакКарти (Walker, McCarthy 2010), принципиальная возможность гражданских объединений выживать, а также эффективность их деятельности в области средового развития серьезно ограничены конкуренцией с большим количеством других подобных групп (что, впрочем, совершенно не характерно для России — *прим. авторов*). При этом именно укорененность гражданского объединения в локальной социальной среде влияет на его способность к длительному существованию. Те группы, которые регулярно проводят публичные встречи с представителями локальных сообществ, получают от этого больше выгод, чем те организации, которые не прибегают к данной стратегии. Парадоксально, что получение правительственных грантов отрицательно влияет на выживание групп, изученных Уолкером и МакКарти. Данное обстоятельство обусловлено тем, что организации вынуждены считаться с условиями гранта в ущерб мнению поддерживающих ее жителей. К сходным выводам приходят и исследователи организаций, поддерживающих соседские сообщества в борьбе против джентрификации в Нью-Йорке: после получения финансирования от государственных фондов общественные объединения все меньше готовы представлять интересы горожан (Hackworth 2002: 815–843). Между тем организации, имеющие свои филиалы в регионах, более предрасположены к выживанию (Walker, McCarthy 2010: 333).

По итогам рассмотренной нами научной дискуссии мы можем заключить, что существует ряд внешних и внутренних социальных условий, которые оказывают влияние на осуществление деятельности групп, принимающих участие в средовом развитии городов в интересах горожан. Между тем специфика социальных условий функционирования гражданских и экспертных групп, занятых разработкой проектов по улучшению качества городской среды, может различаться в зависимости от уникального политического, экономического и иных контекстов.

Внешние и внутренние условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городского пространства

Изучаемые нами группы разрабатывают проекты, воплощение которых практически невозможно без взаимодействия с муниципальными и городскими властями, принимающими ключевые решения в отношении трансформации городского пространства (в особенности, публичного). Между тем данное взаимодействие зачастую оказывается неуспешным. Для объяснения социально-политического контекста функционирования петербургских инициативных групп в области улучшения качества городской среды, а также для рассмотрения тех возможностей, которые им доступны, мы обратимся к аналитическому синтезу теорий мобилизации ресурсов и структур политических возможностей.

Ситуация практической невозможности довести проект по изменению городских публичных пространств Санкт-Петербурга до реализации приводит к тому, что активисты инициативных групп вынуждены порой обращаться к репертуару действий общественных движений.

Современные исследования социальных движений акцентируют внимание на политических и властных процессах, протекающих в городском пространстве. Так, город рассматривается как объект реализации власти, причем чем меньше городские власти способны контролировать решение городских проблем, тем выше вероятность возникновения и развития социальных движений (Arampatzi, Nicholls 2012).

Кроме того, появление таких движений в большей мере характерно для крупных городов, в которых велика вероятность встречи и мобилизации горожан со схожими жизненными целями, интересами и потребностями (Cities under Socialism 1996: 234). О. Яницкий (Яницкий 2002: 97) определяет общественное движение как «устойчивый (воспроизводимый во времени) коллективный социальный субъект, имеющий собственную идеологию, лидера и организационную структуру, способный к мобилизации ресурсов и достижению посредством последовательности коллективных действий социальных (политических) изменений в интересах общества или его части».

Теория мобилизации ресурсов, разрабатываемая в рамках социологии общественных движений, предполагает, что люди объединяются в движения по причине недостатка собственных ресурсов с целью их аккумуляции и мобилизации для достижения целей движения. Данный социологический подход к объяснению общественных движений основан на анализе тактик и стратегий, проблем роста и развития, упадка и изменения образующихся групп (McCarthy, Zald 1977: 1212). В своей работе «Ресурсы и мобилизация социальных движений» Б. Эдвардс и Дж. МакКарти выделяют несколько типов ресурсов, доступных общественным движениям:

- моральные — легитимация действий, солидарная поддержка, сочувствующая (англ. — *sympathetic*) поддержка и популярность;
- культурные — специализированные знания: как организовать акцию, провести конференцию или встречу с журналистами, инициировать фестиваль и т. п.;
- организационные — человеческие ресурсы, информационные ресурсы;
- человеческие — совокупность качеств людей, состоящих в организации;
- материальные — финансирование групп (Edwards and McCarthy 2004: 117).

В своем теоретическом исследовании М. Майер приходит к выводу, что мобилизация социального капитала как доступного для социальных движений ресурса недостаточна для того, чтобы объяснить появление таких групп. Важную роль в функционировании общественных движений, по его мнению, играет государственная политика и возможности политической поддержки социальных движений (Maeyer 2003). Согласно его критике, теория мобилизации ресурсов уделяет чрезмерное внимание комбинациям ресурсов и не учитывает политическую среду, в контексте которой разворачивается деятельность социального движения. Мы исходим из того, что для успешной деятельности гражданских организаций важна открытая городская политика, которая способствовала бы, а не препятствовала деятельности этих групп. Поэтому для объяснения функционирования общественных организаций и движений мы также привлекаем теорию структур политических возможностей.

Структуры политических возможностей включают институциональные барьеры и фильтры, которые ограничивают репертуар действий общественных движений, а именно: распределение партий в парламенте и влияние их программ на политические решения; наличие или отсутствие коалиций между властью и бизнесом (в терминах Х. Молоча и Дж. Логана — «машин роста» (Logan, Molotch 1987)); распределение власти в иерархической политической структуре; существующее законодательство; степень, в какой властные структуры готовы учитывать интересы инициативных групп на разных ступенях принятия политических решений. Видами взаимодействия властных структур и инициативных групп могут выступать: игнорирование, финансирование, вовлеченность инициативных групп на различных стадиях политического процесса, блокирование информации, манипуляции и т. п. (Clément 2015).

Д. МакАдам выделяет четыре ключевых компонента структуры политических возможностей: (1) относительную открытость или закрытость институциональной политической системы; (2) стабильность или нестабильность властного регулирования; (3) наличие союзников; (4) государственные возможности и предрасположенность к репрессиям (Comparative Perspectives... 1996: 27).

Рассматривая различные политические режимы, П. Айзингер вводит различие между «открытыми» и «закрытыми» структурами политических возможностей, т. е. теми структурами, которые относительно доступны для граждан или же, наоборот, характеризуются затрудненным доступом к ним (Eisinger 1973: 24–38). Часть исследователей структуры политических возможностей обобщают различия в степени институциональной доступности политических систем и выделяют так называемые «сильные» и «слабые» государства: сильные государства характеризуются наличием институциональных структур, которые серьезно ограничивают доступ граждан, тогда как слабые государства обладают открытыми для обращения граждан государственными учреждениями, что снижает их способность действовать согласно выбранной ими самими логике (Koormans, Kriesi 1995: 27). Дж. Эльстер добавляет, что необходимо различать объективные политические возможности и убеждения акторов, которые могут и не подозревать, что у них есть ресурсы, или, напротив, переоценивать свои возможности при достижении поставленных целей (Elster 1989: 20).

Перед нами будут стоять задачи рассмотреть: (1) представления участников петербургских инициативных групп о структурах политических возможностей, способствующих или препятствующих их успешной деятельности в виде продвижения и осуществления проектов по улучшению качества городской среды, и (2) комбинации доступных группам ресурсов, которые они мобилизуют для достижения поставленных целей.

Эмпирические данные и методы

В фокусе нашего эмпирического исследования находятся некоммерческие и независимые организации, которые выступают в качестве экспертных и гражданских групп, предлагающих проекты, направленные на улучшение качества городской среды Санкт-Петербурга. Используя термин «экспертные группы», мы подразумеваем, что большая часть состава данных общественных объединений состоит из дипломированных профессионалов в релевантной области:

архитектуре, социологии, урбанистике, городском планировании и т. д., а адресатом их деятельности в первую очередь является экспертное сообщество. Между тем, употребляя термин «гражданские группы», мы имеем в виду движения, включающие некоторое количество непрофессионалов из числа активных горожан. В данном случае ключевым адресатом выступает скорее не сообщество экспертов-профессионалов, а широкая общественность, а также чиновники и члены других инициативных групп. Общим признаком выделения данных общественных объединений выступает то, что их деятельность так или иначе направлена на трансформацию городских публичных пространств — общедоступных мест повседневного пользования и взаимодействия горожан.

В нашу качественную выборку были включены гражданские и экспертные инициативные группы, занимающиеся вопросами качества городской среды в Санкт-Петербурге, которые в дальнейшем будут именоваться «Группа А» (6 интервью), «Группа В» (4 интервью) и «Группа С» (4 интервью)*. Данные группы отобраны по критерию их максимальной вариативности в методах работы с городской средой, а также формах взаимодействия с чиновниками, бизнесом и горожанами. Каждая из этих общественных организаций также реализует собственные формы исследования городского пространства, обращается к специфическому репертуару действий и имеет уникальный состав.

Группа А — смешанная (гражданско-экспертная) группа, появившаяся в Санкт-Петербурге в декабре 2014 г. и являющаяся филиалом головной некоммерческой организации, расположенной в Москве. В отличие от других групп, одним из ключевых факторов ее существования является величина собранных с помощью краудфандинга добровольных пожертвований. Участники Группы А открыто заявляют, что если для осуществления деятельности окажется недостаточно финансовых средств, то группа будет вынуждена прекратить свою работу. Деятельность Группы А заключается в создании и предложении чиновникам проектов по реновации городского пространства, а также организации публичного образовательного лектория.

Группа В — смешанная (гражданско-экспертная) группа, разрабатывающая предложения по развитию городской среды. Однако основной ее целью является контроль выполнения властями обязательств по благоустройству городских территорий и обеспечению безопасной и комфортной городской среды. Данная группа располагает сайтом, интерфейс которого позволяет горожанам отправлять многочисленные электронные обращения представителям власти. Лидеры Группы В являются наблюдателями за выборами, участвуют в муниципальных выборах, а также создают собственные гражданские инициативы.

Группа С представляет собой объединение профессионалов, которые работают преимущественно над выполнением бизнес-проектов. Члены группы входят в экспертный состав при Правительстве Санкт-Петербурга, работают в качестве преподавателей ведущих университетов города, реализуют проекты совместно с представителями бизнеса и власти, выпускают методологические работы по изучению городской среды.

* В соответствии с нормами соблюдения научной этики, которых придерживаются авторы, названия групп анонимизированы.

В качестве методов сбора эмпирических данных мы обратились к полуструктурированным экспертным интервью с активистами трех изучаемых групп (N=14, список информантов см. в Приложении). Гайд интервью содержал следующие тематические блоки: активистская деятельность информанта; состав группы; структура и цели группы; взаимодействие с властью; взаимодействие с бизнес-структурами; возможности и ограничения законодательства; финансирование; взаимодействие с горожанами; стратегии решения городских проблем; взаимоотношения с другими гражданскими и экспертными инициативными группами в Санкт-Петербурге. Эмпирические данные были проанализированы с помощью открытого и осевого кодирования. Методом обработки эмпирических материалов послужил качественный анализ содержания.

Ресурсы петербургских групп в области улучшения качества городской среды

В своем анализе мы исходили из того, что общественные объединения, вовлеченные в попытки трансформации городского пространства Санкт-Петербурга, в большей мере тяготеют к общественным движениям, поскольку достаточно ограничены в ресурсах, необходимых для обеспечения функционирования групп, разработки проектов и их продвижения, а также порой вынуждены прибегать к репертуару действий, характерных для общественных объединений: участвовать в городских публичных акциях, пикетах и сборе подписей и т. д.

Для выявления композиций ресурсов групп, занятых выработкой проектов по средовому развитию, мы воспользовались классификацией доступных общественным движениям ресурсов, предложенной Эдвардсом и МакКарти (Edwards, McCarthy 2004) и различающей моральные, культурные, организационные, человеческие и материальные ресурсы.

Следует отметить, что важным ограничением функционирования каждой изученной группы выступает недостаточное финансирование (материальные ресурсы). Так, члены Группы А открыто заявляют о зависимости от объема поступивших на счет организации пожертвований горожан и спонсорских взносов, которые расходуются на создание проектов и оплату труда вовлеченных сотрудников и лидера. Члены Группы В практически не получают никакого финансового поощрения за работу, которую выполняют в свободное время. На поступающие в виде пожертвований средства они приобретают расходные материалы и инвентарь, необходимый для проведения акций. Кроме того, группе удалось получить грант на техническое усовершенствование сайта и его мобильной версии, которые позволяют аккумулировать и отправлять городским властям официальные запросы населения по поводу неудовлетворительного состояния городского пространства. Примечательно, что члены Группы А отмечают общую незаинтересованность бизнес-структур в ее деятельности, а представители Группы В открыто дистанцируются от возможностей сотрудничества с представителями бизнеса. Причиной тому служит тот факт, что бизнес-структуры в большинстве своем могут быть заинтересованы в реализации проектов в обмен на лояльность групп, готовых продвигать коммерческие интересы бизнеса. Между тем единственным источником финансирования Группы С являются именно проекты, заказываемые и оплачиваемые представите-

лями девелоперского и строительного бизнеса города. Тем не менее, данный источник средств видится членам группы недостаточным, а сотрудничество с бизнес-структурами порой оценивается как неудачное. Нехватка финансирования ведет к внутреннему напряжению в группе, поскольку работа внешних, нанимаемых сотрудников оплачивается всегда, в то время как деятельность основных членов группы может быть профинансирована частично, а в некоторых случаях — не оплачена вовсе: *«Тут тоже возникают всякие, например, внутренние конфликты, потому что получается, что инфраструктурные люди получают зарплату, например, на поддержку сайта, что требует регулярной работы. Или, там, тот, кто занимается рассылками, ответами на e-mail, которые приходят на общую почту Группы С. И тогда начинают возникать самые прямолинейные вопросы: “А чего это мы все бесплатно работаем, то есть только за проект получаем деньги? А кто-то, кто проект не делает, типа, самое важное не делает, а получает зарплату?”»* (Интервью 5. Группа С).

Группы В и С отказались от попыток получения правительственных грантов в связи с неготовностью поддерживать имидж городских властей или невозможностью конкурировать с другими (недобросовестными) НКО: *«... у некоммерческих организаций есть всякие программы поддержки, гранты. К сожалению, Группе А как независимой организации они недоступны, потому что большинство грантов, они фиктивные. И, собственно, эти гранты придумываются специально для того, чтобы какие-то фиктивные НКО получали просто деньги из бюджета»* (Интервью 2. Группа А).

Все три группы объединяют усилия членов, большинство из которых имеют профильное образование в области архитектуры, урбанистики, социологии, PR, градостроительства, городского планирования или программирования, что обеспечивает междисциплинарный характер деятельности (человеческие ресурсы). Для реализации своих целей, а именно мониторинга проблем благоустройства городской среды в различных районах Санкт-Петербурга Группа В имеет представителей-координаторов, работающих на волонтерской основе, которые могут не обладать профильным образованием. Группа В, в отличие от всех остальных, активно сотрудничает с инициативными горожанами и включает их предложения и проекты в свою повестку.

Культурные ресурсы трех рассматриваемых групп состоят в том, что их члены обладают достаточным количеством знаний, необходимых для разработки проектов в области улучшения качества городской среды. Однако Группа В имеет более развитые, по сравнению с другими группами, компетенции во взаимодействии с чиновниками, а также организации акций в городских публичных пространствах, тогда как группы А и С ориентированы на проведение исследований (в том числе социологических) и популяризации своих результатов в виде различного рода методологических пособий. Все три группы имеют сайты, поддерживаемые с разной степенью регулярности, а также группы в социальных сетях.

Моральные ресурсы групп значительно различаются, что может быть обусловлено длительностью их существования, а также спецификой их деятельности. Группа А первоначально получила признание за счет популярности лидеров московского филиала.

Группа В пользуется широкой поддержкой других инициативных групп и горожан (количество ее подписчиков на сайте Вконтакте составляет более 50 тыс. чел.), а также в лице вице-губернатора: «Там Албин, если открыто, там, нам пишет иногда: “Группа В — молодцы. Смотрите, что они сделали”» (Интервью 8. Группа В). Лидер Группы В включен в сеть неформальных контактов с городскими и муниципальными чиновниками, а некоторые ее члены признаны в качестве экспертов в городских комитетах.

Деятельность Группы С ориентирована на профессионалов и представителей бизнеса. Члены Группы С часто выполняют совещательные функции, работая в качестве консультантов при городских комитетах, однако не имеют доступа к принятию властных решений на городском или муниципальном уровнях.

Примечательно, что две из трех групп осознанно отказались от официальной регистрации в качестве НКО, что обеспечивает дополнительные преимущества при избегании внешнего контроля (организационные ресурсы): «Нас невозможно уничтожить, потому что мы не существуем» (Интервью 5. Группа С); «Если ты регистрируешься как НКО, у тебя возникают определенные обязательства. Тебе нужно отчитываться, собственно, насколько я понимаю, тебя должны проверять периодически. Как бы, а что тебе это дает? По идее, это дает разрешение на получение определенных грантов, так что это такие вещи. Но, с другой стороны, когда мы занимаемся такой деятельностью, когда чиновники недовольны, нами вообще никто не доволен из власти...» (Интервью 9. Группа В).

Все три группы сформировали сети знакомств с другими инициативными защитными или созидательными объединениями, однако лишь группа В имеет продолжительный и весьма обширный опыт межгруппового взаимодействия и сотрудничества, что может быть обусловлено наличием в деятельности группы не только созидательного, но и протестного компонента.

Итак, мы можем заключить, что инициативные группы в области улучшения качества городской среды Санкт-Петербурга обладают достаточно скудными и ограничивающими их деятельность материальными ресурсами. Однако им доступны разнообразные человеческие и культурные ресурсы, обеспечивающие выполнение профессиональных или активистских проектов междисциплинарными командами специалистов. Представители лишь одной из групп имеют несколько устойчивых контактов с чиновниками и лоббистами своих интересов во властных структурах. Группы располагают моральными ресурсами в виде поддержки разнообразных аудиторий, на которые направлены их проекты, однако признание результатов деятельности групп чиновниками практически отсутствует. Изредка с целью осуществления совещательных функций члены двух групп привлекаются городскими комитетами в качестве экспертов. Так или иначе, институциональная среда вынуждает часть групп отказаться от легального закрепления своего статуса, что позволяет им избежать властного контроля.

Социально-политический контекст деятельности петербургских групп в области улучшения качества городской среды

В современном Санкт-Петербурге существуют некоторые структурные условия, которые могли бы оказаться благоприятными для рассмотрения и реализации властями проектов по улучшению качества городского пространства.

В частности, в 2018 г. в городе планируется проведение крупного мегасобытия — чемпионата мира по футболу, в связи с чем, по мнению губернатора Санкт-Петербурга Георгия Полтавченко, властям необходимо задуматься об обеспечении большей велосипедной и пешеходной доступности рекреационных зон (В Петербурге началось... 2016), а также о развитии пешеходных улиц в центре города (Пешеходных зон... 2016). Несмотря на это, деятельность инициативных гражданских и экспертных групп в области средового развития Санкт-Петербурга разворачивается, с точки зрения их участников, в достаточно недружелюбном социально-политическом контексте.

В частности, описывая незаинтересованность городских и муниципальных властей в инициативных проектах, представители групп А, В и С указывают на следующие ключевые характеристики властей:

(1) ориентация чиновников на мнение вышестоящего начальства, а также нежелание чиновников всех уровней принимать на себя ответственность за решения, которые не вписываются в существующие инструкции (Группы А и В): *«То есть власти ничего не делают, я имею в виду. Потому что здесь все замыкается на одну глобальную проблему: потому что власть у нас несменяема и ориентируется не на избирателей, а на вышестоящее начальство»* (Интервью 1. Группа А);

и организационная бюрократия, которая препятствует рассмотрению и реализации поступающих от групп предложений, поскольку ориентирована на самовоспроизводство, а не на удовлетворение общественного запроса в качественной городской среде (Группы В и С):

«Единственный механизм для принятия решений, который существует в этом городе, это сугубо внутрибюрократический механизм, который ориентируется на внутренние корпоративные интересы и логику бюрократии, которая заключается исключительно в том, что нужно в ответ на запрос начальства выдать отчет — и все» (Интервью 5. Группа С).

(2) рассогласованность деятельности различных ведомств, препятствующая продвижению проектов и их легализации (Группа С):

«У нас, потому что все разделено по ведомствам, а они между собой не общаются, а иногда даже конфликтуют. Поэтому, чтобы решить какую-то проблему, нужно, чтобы было согласованное решение в нескольких ведомствах, а добиться этого согласованного соглашения иногда практически невозможно» (Интервью 4. Группа С).

(3) возможная коррумпированность чиновников, которые заинтересованы в извлечении прибыли из решения типовых проблем городского пространства, в то время как предложения групп могут иметь нестандартные решения (Группа В):

«...у чиновников конфликт интересов огромный, и на почве этого огромная коррупция плодится... При такой организации процесса становится выгодным, конечно, чтобы как можно больше механизмов выходило из строя, чтобы они постоянно чего-нибудь ремонтировали и получали за это максимальное количество денег» (Интервью 7. Группа В).

Тем не менее, участники всех групп заключают, что полностью избежать взаимодействия с властями — актором, который принимает ключевые решения в отношении судьбы городских публичных пространств, — не представляется

возможным ввиду того, что все группы предпочитают легальные способы продвижения своих проектов (при потенциальном наличии методов средового партизанинга).

Инициативные гражданские и экспертные группы в области улучшения качества городского пространства имеют различные, порой пересекающиеся, траектории взаимодействия с муниципальными и городскими властями. Так, группы А и В используют единственное законодательное «окно» в структуре политических возможностей — Федеральный закон 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», который гарантирует ответ властей на запрос любого горожанина в течение тридцати дней (Гарант 2015). Основным способом привлечь внимание властей на необходимость решения вопросов качества городской среды для Групп А и В выступает именно большое количество официальных запросов. Между тем наличие ФЗ-59 не решает проблем, связанных с устаревшими ГОСТами и законодательными актами, а именно с такими проблемами регулярно сталкиваются участники групп, когда предлагают новаторские и оптимальные, с их точки зрения, решения в отношении городской среды, которые, однако, не укладываются в существующее законодательство: *«ГОСТы, которые не соответствуют вызовам реальности. Концепция благоустройства, которая умерла вместе с модернизмом»* (Интервью 4. Группа С).

Как уже отмечалось выше, Группа В пользуется поддержкой вице-губернатора города, а Группы А и В имеют немногочисленных лоббистов в ЗакСе Санкт-Петербурга — депутатов от партии «Яблоко». В целом же лидеры Группы А и С (в отличие от группы В) предпочитают как можно реже вступать в партнерские отношения с политиками, апеллируя к тому, что подобное сотрудничество с чиновниками высокого уровня обусловлено стремлением последних к самопиару, воспроизводству собственных позиций и наращиванию политических репутаций: *«Даже если они профессиональные в чем-то люди, их задача работы как депутатов не использовать свой профессиональный опыт, а заниматься пиаром и сидеть далее. Поэтому работать с депутатами, на мой взгляд, тоже невозможно...»* (Интервью 5. Группа С).

Своеобразное «окно» в структуре политических возможностей в виде продвижения членов групп в качестве политиков квалифицируется как доступное, но не реализуется.

Неблагоприятная структура политических возможностей стимулирует Группу С к диалогу и продвижению проектов через бизнес-структуры, что не всегда приводит к удовлетворительному для обеих сторон результату.

Отсутствие общего для инициативных групп и чиновников конвенционального языка осознается как одно из ключевых препятствий для эффективной коммуникации с учетом интересов обеих сторон (Группы В и С).

В результате, в подавляющем большинстве случаев (за несколькими исключениями в отношении инициатив Групп В и С) власти квалифицируют деятельность групп как «слабых публик» (Fraser 1990), не признавая их членов в качестве экспертов и профессионалов и не допуская публичного обсуждения и принятия решения по поводу вопросов, связанных с городской средой: *«Мы делаем предложения, мы делаем исследования, но уважаемые чиновники считают,*

что мы некомпетентны в этих вопросах, поэтому нас слушать не надо» (Интервью 2. Группа А).

Представители всех трех групп сталкиваются с общими социально-политическими условиями, в контексте которых разворачивается их деятельность. Так, власти преимущественно отторгают предлагаемые проекты инициативных групп, направляя им множественные «отписки» или попросту их игнорируя. Одну из немногих возможностей успешного взаимодействия с властями обещает наличие персональных неформальных связей членов группы с немногочисленными чиновниками. При этом реализация проекта (как правило, частичная) вероятна в случае редкой готовности того или иного чиновника высокого уровня взяться за осуществление предложения группы. Между тем при смене данного чиновника другим уже принятое решение в пользу проекта инициативной группы может быть аннулировано: *«Мы провели исследование с пешеходами, нам прислали ответ, что: “Да, давайте”... Прошел год, сменилось руководство, и чего-то ничего не происходит. Мы написали опять такой же запрос и получили ровно противоположный ответ: “Нет, вы что, а где же будут восемьдесят машин парковаться?”»* (Интервью 8. Группа В).

Впрочем, информанты отмечают интерес некоторых представителей муниципальных властей к поступающим инициативным предложениям. Однако, по мнению информантов, муниципальные чиновники обладает низкой профессиональной подготовкой, что затрудняет сотрудничество. К тому же подобный интерес иногда носит ситуативный характер, поскольку обуславливается наличием «неосвоенного» бюджета, когда чиновники внезапно проявляют готовность выделить финансирование на тот или иной инициативный проект с целью срочно истратить некоторое количество государственных средств: *«Просто сложно самим чего-то придумать, иногда даже бывает, что бюджет лежит недоосвоенный. Если предложить чего-то действительно нормальное, то они с удовольствием это подхватят»* (Интервью 7. Группа В).

Описанные социально-политические условия, в контексте которых происходит деятельность инициативных групп, обуславливают возможности реализации их проектов в области улучшения качества городской среды.

Наиболее типичным и широко распространенным сценарием взаимоотношений чиновников и представителей всех трех изученных нами общественных объединений выступает предоставление группами (иногда с участием медиаторов, как показывает анализ опыта Группы С) чиновникам готового проекта, за которым следует отказ властей принимать этот проект во внимание. Таким образом, подавляющее большинство предлагаемых решений не рассматриваются и тем более не реализуются. В некоторых случаях власти принимают решение поступить диаметрально противоположным мнению активистов способом: *«Когда мы Креветку закинули, они сказали, что у нас все нормально, все клево, что вообще пропускная способность повысилась, а то, что там сбили людей: “Ну блин, мы поставим еще забор, тогда точно не будут перебегать. Спасибо вам, что нам сказали, что здесь люди перебегают”»* (Интервью 2. Группа А).

Для части случаев характерна ситуация, когда чиновники дискурсивно поддерживают тот или иной проект, однако не способствуют его претворению в жизнь: *«Ну да, нам ответили, что да, все хорошо, наверное, так и нужно сде-*

ать. Ну то есть если нам отвечают, что да, ваше предложение рассмотрено и это действительно целесообразно, — это еще не значит, что все будет сделано так, как мы попросили» (Интервью 8. Группа В).

Подобного рода внешние институциональные условия ведут либо к отказу инициативных групп от проекта, либо, как в случае Группы С, к поиску альтернативных способов реализации через партнерство с бизнесом.

Редкая возможность реализации предложений групп по средовому развитию вероятна в долгосрочной перспективе. Так, проекты могут быть приняты чиновниками, но множественные бюрократические процедуры: согласование инициатив в профильных городских комитетах, добавление их в адресную программу, непосредственно проектирование и внедрение в практику, — могут занять несколько лет, т. е. проект может получить **отсроченную траекторию реализации**: «По самому первому (проекту), который, вроде бы, про Васильевский остров, сказали, что: “О, клево, добавим в какую-то там адресную программу на следующий год”» (Интервью 2. Группа А). Проект может иметь успех в случае готовности членов группы к еще большим временным инвестициям (Группа В), когда предложение разбивается на несколько этапов, на каждом из которых необходимо длительное время продвигать, согласовывать и реализовывать часть инициативы. Мы назвали такую траекторию **траекторией дробления**. Другим компромиссным вариантом выступает осуществление лишь фрагмента изначальной идеи проекта (по причине дороговизны, нестандартности решений, отсутствия конвенциональных типовых образцов инфраструктуры и т. д.) — в этом случае речь идет о **траектории частичной реализации**. Наконец, типичной траекторией для Группы С в случае доведения замысла до воплощения является **трансформация** проекта в связи с возникающими трудностями физического исполнения проектировочных решений в процессе строительства, влиянием интересов представителей бизнеса на изначальный проектный вариант, а также неверным толкованием проекта властями.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели возможности и ограничения осуществления проектов гражданских и экспертных групп в области средового развития Санкт-Петербурга на основе анализа: (1) представлений активистов о социальном и политическом контексте их деятельности, а также (2) спектра доступных им ресурсов.

Анализ эмпирических данных показал, что существенным препятствием функционирования групп выступает дефицит материальных ресурсов — недостаточное финансовое сопровождение инициатив. Между тем члены общественных объединений обладают разнообразным репертуаром человеческих, культурных и моральных ресурсов, обеспечивающих профессиональную подготовку и продвижение разрабатываемых ими предложений и их легитимацию среди релевантных для членов групп публик. При этом изучаемые группы могут быть скорее квалифицированы как «слабые публики», которые имеют лишь совещательные функции при принятии решений в отношении городского пространства (причем даже эти функции порой оспариваются городскими властями). Усилия инициативных групп разворачиваются в условиях общей

незаинтересованности в их действиях со стороны представителей бизнеса и всех уровней власти, давления организационной бюрократии и рассогласованности в действиях городских комитетов и ведомств, а также устаревшего законодательства, что препятствует осуществлению предлагаемых группами решений в области средового развития. Немногочисленными благоприятными для реализации проектов характеристиками структуры политических возможностей выступают наработанная активистами сеть неформальных контактов с представителями власти, наличие небольшого количества союзников-лоббистов, редкая готовность того или иного чиновника взять на себя дополнительную ответственность по осуществлению нестандартного проектного предложения, а также периодические ситуации «неосвоенности» городского бюджета, о которых участники рассматриваемых нами общественных объединений, впрочем, информированы слабо.

К сожалению, нам недоступен влияющий на возможности инициативных групп дискурс сильных публик (городских и муниципальных властей, представителей строительного, девелоперского и инвестиционного бизнесов), принимающих решения по поводу развития городского пространства. В связи с этим мы не претендуем на исчерпывающее представление о «рецептах» осуществления инициативных проектов по средовому развитию города, а лишь фиксируем некоторые траектории воплощения данных предложений, всегда заданные внешними, постоянно меняющимися, институциональными условиями. Сложившиеся в Санкт-Петербурге социально-политические условия, а также комбинации доступных членам групп ресурсов приводят к формированию достаточно скудного репертуара реализации предложений по улучшению качества городского пространства. Эта реализация может осуществляться по следующим траекториям: отсроченная траектория, траектория дробления, траектория частичной реализации и траектория трансформации изначальных проектов.

Литература и источники

Белокурова Е. Старое и новое в дискурсе гражданского общества // *Неприкосновенный запас*, 2012, 84 (4): 60–66.

В Петербурге началось строительство пешеходного моста до «Зенит-Арены» // Газета.RU. 25.02.2016. [http://www.gazeta.ru/sport/news/2016/02/25/n_8294333.shtml]. Дата обращения 21.08.2016.

Гладарев Б. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 гг.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2012, 4 (110): 29–43.

Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / Под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Желнина А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2015, 2 (68): 45–59.

Закирова М. «Вот здесь видно все!»: саморепрезентация городского общественного движения // *Журнал исследований социальной политики*, 2008, 2: 217–240.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата, 2010.

Пешеходных зон в Петербурге станет больше // FEDNED.RU. 24.03.2016. [<http://spb.fedned.ru/novosti/peshehodnyh-zon-v-peterburge-stanet-bolshe>]. Дата обращения 21.08.2016.

Система Гарант. «Федеральный закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ». [<http://base.garant.ru/12146661/>]. Дата обращения 21.08.2016.

Тыканова Е., Хохлова А. Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге) // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2014, 5 (76): 109–125.

ФОМ «Жители Санкт-Петербурга о ситуации в городе и городских властях». 21.09.2015. [<http://fom.ru/Nastroeniya/12321>]. Дата обращения 19.08.2016.

Шульц Э.Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*, 2014, 4: 23–30.

Яницкий О.Н. *Россия: экологический вызов (общественное движение, наука, политика)*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Andrews K., Edwards B. Advocacy Organizations in the U.S. Political Process. *Annual Review of Sociology*, 2004, 30: 479–506.

Andrews K., Edwards B. The Organizational Structure of Local Environmentalism. *Mobilization: An International Quarterly*, 2005, 10-2: 213–234.

Arampatzi A., Nicholls W.J. The urban roots of anti-neoliberal social movements: the case of Athens, Greece, *Environment and Planning*, 2012, 44: 2591–2610.

Cable S. Professionalization in social-movement organization — a case-study of Pennsylvanians for Biblical morality. *Sociological Focus*, 1984, 17 (4): 287–304.

Cities under Socialism. Urban and regional Change and Conflict in Post-Socialist Societies. Ed. by G. Andrusz, M. Harloe and I. Szelenyi. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1996.

Clément K. Unlikely mobilisations: how ordinary Russian people become involved in collective action. *European Journal of Cultural and Political Sociology*, 2015, 2(3-4): 211–240.

Comparative Perspectives on Social Movements. Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Ed. by D. McAdam, J.D. McCarthy and M.N. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Edwards B., McCarthy J. Resources and Social Movement Mobilization, in: *The Blackwell Companion to Social Movements*. Ed. by D.A. Snow. Oxford: Blackwell Publishing Ltd. 2004: 116–152.

Eisinger P.K. The Conditions of Protest Behavior in American Cities. *American Political Science Review*, 1973, 67: 24–38.

Elster J. *Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Evans P.B. *Livable cities? Urban struggles for livelihood and sustainability*. Berkeley: University of California Press, 2002.

Fisher D.R., Campbell L.K., Svendsen E.S. The organizational structure of urban environmental stewardship. *Environmental Politics*, 2012, 21: 26–48.

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: a Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. *Social Text*, 1990, 25-26: 56–80.

Hackworth J. Postrecession Gentrification in New York City. *Urban Affairs Review*, 2002, 37(6): 815–843.

Koopmans R., Kriesi H. Institutional Structures and Prevailing Strategies, in: *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis*. Ed. by H. Kriesi, R. Koopmans, J.W. Duyvendak, M.G. Giugni. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995: 26–53.

Logan J., Molotch H. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1987.

Mayer M. The Onward Sweep of Social Capital: Causes and Consequences for Understanding Cities, Communities and Urban Movements. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2003, 27: 110–132.

McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory. *The American Journal of Sociology*, 1977, 82(6): 1212–1241.

Oliver P. The mobilization of paid and volunteer activists in the neighborhood movement. *Research in Social Movements, Conflict and Change*, 1983, 5: 133–170.

Sirianni C., Friedland L. *Civic Innovation in America: Community Empowerment, Public Policy, and the Movement for Civic Renewal*. Berkeley and Los Angeles: University California Press, 2001.

Walker E., McCarthy J. Legitimacy, Strategy, and Resources in the Survival of Community-Based Organizations. *Social Problems*, 2010, 57(3): 315–340.

Приложение

Список информантов

Информант	Группа	Должность
1	А	Основатель
2	А	Менеджер
3	А	Организатор лектория
4	С	Социолог
5	С	Основатель
6	В	Координатор
7	В	Программист
8	В	Координатор
9	В	Программист
10	А	Архитектор
11	А	Руководитель
12	А	Архитектор
13	С	Социолог
14	С	Основатель, социолог, архитектор